аспирантов и соискателей. Значительную научно-методическую и финансовую поддержку этого направления в обучении филологов оказывает Вологодское региональное отделение Русского географического общества: в 2010 – 2013 гг. при его содействии состоялось более десяти экспедиций в различные районы Вологодской области, был снят научно-популярный фильм «География русского слова» (А.Б. Крылова), был создан электронный сопоставительный словарь великоустюгских говоров (А.Б. Крылова, С.А. Ганичева), подготовлен тематический электронный словарь «Лексика природы Кирилловского района Вологодской области» (С.А. Ганичева), опубликован сборник записей диалектной речи «Народная речь Вологодского края» (Е.Н. Ильина, Л.Ю. Зорина, А.Б. Крылова, П.Н. Задумина, С.А. Ганичева, С.В. Шильниковская) [12], были изданы два учебных пособия по лингвистической географии [8] [9], состоялись доклады молодых ученых на международных научных конференциях в России, Украине, Белоруссии, Чехии, Греции, Австрии, публикации более двадцати статей и тезисов научных докладов на русском и английском языках (см., например: [19] и др.).

Существенным результатом обучения студентов-филологов основам лингвистической географии становится востребованность их профессиональных знаний и умений в практической работе по полученной специальности. Так, выпускница магистратуры ВГПУ Мария Бубякина достаточно долго руководила диалектологическим кружком в одной из школ Вологодской области, автор магистерской диссертации по теории и методике лингвистической географии Людмила Сабурова была одним из участников областного конкурса «Учитель года», преподаватель Вологодского педагогического колледжа Елена Кириллова со своими учениками неоднократно получала высокую оценку на областных конкурсах исследовательских работ учащихся средних учебных заведений.

Хочется надеяться, что грядущие перемены в системе вузовского образования Вологодской области не разрушат существующую ныне подготовку студентов-филологов, в том числе определяющую их интерес к родной речи, изучению географической специфики лингвистических явлений в контексте развития русского национального языка.

Литература

1. *Аванесов, Р.И.* О двух аспектах предмета диалектологии / Р.И. Аванесов // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. – М., 1965. – С. 26 – 42.

2. *Вендина, Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте / Т.И. Вендина. – М., 2009.

3. *Герасимов, М.К.* Словарь Череповецкого уездного говора / М.К. Герасимов. – СПб., 1910.

4. Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. I – III. – М., 1986.

5. *Дилакторский, П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении / П.А. Дилакторский, А.И. Левичкин, С.А. Мызников. – М., 2006.

6. *Дурново, Н.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М., 1915.

7. *Захарова, К.Ф.* Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 2004.

8. *Ильина, Е.Н.* Русская лингвистическая география: учебно-методическое пособие / Е.Н. Ильина, С.А. Ганичева. – Вологда, 2011.

9. *Ильина, Е.Н.* Основы лингвистической географии Вологодской области: учебно-методическое пособие / Е.Н. Ильина, С.А. Ганичева. – Вологда, 2012.

10. *Лазурина, Е.Н.* Наименования крапивы в русских народных говорах в лингвогеографическом аспекте: выпускная квалификационная работа. / Е.Н. Лазурина. – Вологда, 2010.

11. Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск. – СПб., 2004.

12. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. – Вологда, 2012.

13. Общеславянский лингвистический атлас. – URL: http://www.slavatlas.org.

14. *Пшеничнова, Н.Н.* Лингвистическая география (по материалам говоров). – М., 2008.

15. *Сабурова, Л.В.* Лингвистическая география как компонент вузовского образования: магистерская диссертация / Л.В. Сабурова. – Вологда, 2010.

16. *Симони, П.К.* Два старинных областных словаря XVIII века / П.К. Симони // Живая старина. – 1898. – Вып. 3. – С.444 – 446.

17. Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. – Вологда, 1983 – 2006.

18. *Срезневский, И.И.* Замечания о материалах для географии русского языка / И.И. Срезневский // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. I. Кн. 1. – СПб., 1881.

19. *Ganicheva, S.* Vologda Dialect Morpheme Dictionary in the context of European digital dictionaries / S. Ganicheva, A. Krylova // Dialect 2.0. VII Congress of the International Society for Dialectology and Geolinguistics (SIDG). – Vienna, 2012.

УДК 821.161.1 (091) «19»

И.А. Птицын

ОБРАЗ МАРИИ МАГДАЛИНЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Б.Л. ПАСТЕРНАКА ИЗ РОМАНА «ДОКТОР ЖИВАГО»

В статье исследуется христианская символика в стихотворениях Б. Пастернака о Марии Магдалине.

Богослужебный текст, Б.Л. Пастернак, символ, молитва, библейский мотив.

Christian symbols in B. Pasternak's poems about Mary Magdalene are considered in the article.

Liturgical text, B.L.Pasternak, symbol, prayer, biblical motive.

В двух предпоследних стихотворениях заключительной главы романа «Доктор Живаго» Пастернак обыгрывает традиционный христианский мотив о раскаявшейся грешнице, используя несколько эпизодов из Евангелий и богослужебных текстов. Оба стихотворения даны в форме монолога Марии Магдалины, обращенного к Христу, который здесь, в отличие от «Чуда», «Дурных дней» и «Гефсиманского сада», играет роль «персонажа-изображения».

В первой строфе стихотворения «Магдалина I» Пастернак вкладывает в уста Марии воспоминания о прошлой жизни, которые посещают ее каждую ночь. При этом Магдалина получает эпитет «бесноватая»: «Когда, раба мужских причуд, была я дурой бесноватой». Это точно соответствует ее описанию, данному в Евангелиях от Марка и от Луки:

Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов (Марк 16:9).

…Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов (Лука 8:2).

Во второй строфе Пастернак цитирует известный библейский эпизод, метафорически подготавливая переход от изображения «бесноватой» эгоцентричной Марии к Марии исцелившейся, когда она прекращает быть «рабой мужских причуд» и становится «рабой Божьей»:

…Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед Тобою разбиваю.

В Евангелии от Матфея не называется имя женщины и род ее занятий, лишь сказано, что когда Иисус был в Вифании:

Приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову (Матфей 26:7).

Пастернак усиливает драматизм ситуации, символически описывающей готовность Христа к близкому распятию, тем, что в стихотворении союзу Иисуса и раскаявшейся грешницы противостоит весь остальной мир, наполненный грехом и смертью:

Но объясни, что значит грех,
И смерть, и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Единение с Христом позволяет Магдалине разделить Его страдания, хотя она все еще описывает происходящие с ней изменения прежним, «экзальтированным» языком:

О, где бы я теперь была,
Учитель мой и мой Спаситель,
Когда б ночами у стола
Меня бы вечность не ждала,
Как новый, в сети ремесла
Мной завлеченный посетитель.

Это противоречие сохраняется и в следующем стихотворении, но снимается оно только в финальных строках «Магдалины II». Мотив ритуального омовения ног Христа, лишь намеченный в первом тексте, здесь детально развернут в трех строфах. Конфликт между Христом и равнодушным к Нему обществом также высвечен более подробно, чем в первом стихотворении:

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые Твои…

Общество готовится к Пасхе, а Магдалина «в стороне от…толчеи» омывает «пречистые стопы» Христа. Различие между предпраздничной людской суетой и священнодействием Марии передается также и через экспрессивно окрашенную лексику: слова «уборка и толчея» контрастируют со словами «миро» (состав из разных благовонных веществ) и «стопы пречистые».

В пятой строфе Мария Магдалина, говоря о землетрясении, которое произойдет после смерти Христа, пророчествует, что на нее теперь будет перенесена «жалость», позволяющая грешнице «дорасти» до Воскресения:

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

В последней строфе единение с Христом достигает кульминации в сознании Магдалины, что позволяет ей, как мы уже отмечали, прорваться к новой жизни, избавиться от прежнего «языка»:

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.

Почему Пастернак описывает образ Марии Магдалины в двух раздельных стихотворениях? Попробуем предложить следующую версию. В романе Сима Тунцева говорит: «Существует спор, Магдалина ли это…или какая-нибудь другая Мария. Как бы то ни было, она просит Господа:… «Отпусти мою вину, как я распускаю волосы». Как вещественно выражена жажда прощения, раскаяния! Можно руками дотронуться».

Перед этим утверждением Симы, в котором Пастернак проводит мысль о непосредственной близости

Бога к судьбе отдельного человека, об установлении истинной меры вещей после прихода Христа, автор все-таки вставляет в ее речь оговорку о том, что эти слова взяты «не из евангельского рассказа о ней (Магдалине), а из молитв на Страстной неделе».

Действительно, в Новом Завете есть рассказ о том, как Христос прощает грешницу в доме Симона-фарисея:

Иисус… сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла…Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит (Лука 7:44 – 47).

Здесь, как и в Евангелии от Матфея, не сказано явно, что эта женщина – Мария Магдалина. В Новом Завете говорится и о сестре Лазаря, которую также зовут Марией:

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых… Мария же, взяв чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его… (Иоанн 12:1 – 3) – но, очевидно, никто не возьмет на себя смелость идентифицировать ее с Магдалиной, о чем осторожно говорит Сима в романе «Доктор Живаго». Большинство богословов проводит различие между всеми эпизодами, которые мы процитировали из Евангелий, и представленными в них характерами: «Кто же первый возвестил удивленному миру благую весть о воскресении Христа? Какой-нибудь гениальный человек…или кто-либо из…ангелов? Нет, это была женщина. Мария из Магдалы, которую не должно путать с благочестивой сестрой Лазаря, а также с раскаявшейся грешницей, омывшей в доме Симона-фарисея слезами ноги Иисуса Христа» [4, с. 23].

Итак, более значительная роль Марии Магдалине отводится в Евангелиях именно при описании сцен Воскрешения Христа. У Марка, которого мы уже цитировали, о Магдалине сказано скупо, зато в Евангелии от Иоанна (20:1 – 18) сцена явления Воскресшего Марии Магдалине описана очень подробно. Пастернак в прозаической части романа и в двух стихотворениях о Марии Магдалине использует все заинтересовавшие его в Новом Завете упоминания о женщинах (благочестивых, грешницах, «бесноватых»), пришедших к истине Христа. Но, вспоминая слова о Христе и Магдалине, которые Пастернак вкладывает в романе в уста Симы Тунцевой, мы должны предположить, что стилистически и тематически эти два стихотворения ведут свое происхождение еще и от нескольких литургических текстов. Сима объясняет Ларе свое понимание текстов тропарей и молитв Страстной недели. Некоторые из них найдены среди выписок Пастернака:

Господи, яже во многия грехи впадшая жена, Твое ощутившая Божество, мироносицы вземши чин, рыдающи миро Тебе прежде погребения приносит: увы мне, глаголющи! Яко нощь мне есть разжжение блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное рачение греха. Прими моя источники слез, Иже облаками производят моря воду. Приклонися к моим воздыханием сердечным, приклонивый небеса неизреченным Твоим истощанием: да облобыжу пречистеи Твои нозе, и утру сия паки главы моея власы, ихже в Раи Ева, по полудни шумом уши огласивши, страхом скрыся. Грехов моих множества, и судеб Твоих бездны кто изследит; душеспасче Спасе мой. Да мя Твою рабу не презриши, Иже безмерную имеяй милость [3].

«Какая кротость, какое равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины!», – с восхищением говорит Сима в романе.

Отметим, что при сравнении текстов стихотворения «Магдалина I» и этого тропаря их схожесть сразу бросается в глаза. Оба текста имеют вид монолога, с которым грешница обращается к Христу. Мотивация воспоминаний Магдалины о своем греховном прошлом, данная в первом стихотворении Пастернака, совпадает с аналогичной мотивацией грешницы из тропаря: угрызения совести терзают несчастную женщину, как только наступает ночь. Во втором отрывке тропаря, сохранившемся в архиве Пастернака, акцентируя другие ощущения:

Тебе Девыя Сына, блудница, познавши Бога, глаголаше, в плачи молящися, яко слез достойная сделавшая: разреши долг, якоже и аз власы: возлюби любящую, праведно ненавидимую, и близ мытарей Тебе проповем, Благодетелю Человеколюбче [3].

Здесь упор сделан на духовном единении между блудницей, познавшей Бога, и Христом; причем она умоляет Его отпустить ей грехи, как…она распускает волосы. Этот текст, бесспорно, послужил основой для второй строфы из стихотворения Пастернака «Магдалина II»:

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.

Для Пастернака здесь самое важное то, что ситуация, в которой оказывается грешница, отражает Христову. Они страдают и, преодолевая страх, унижения и издевательства (не только телесные), воскресают для «жизни вечной». Если в стихотворении «На Страстной» «смерть можно будет побороть усильем Воскресенья» Христа, то в «Магдалине II» до Воскресенья «дорастает» и побеждает тем самым смерть самый обычный человек. В.Н. Альфонсов пишет, что «в миссии художника, по Пастернаку, есть сходная трагическая черта… будучи «последним», он в то же время «первый» уже по отношению к будущему» [1, с. 298].

Многие же будут первые последними, и последние первыми (Матфей 19:30). Поэтому Пастернак и создает два стихотворения, посвященные образу Марии Магдалины. В первом тексте речь идет об ученичестве «последней», а во втором стихотворении – о том, как «последние становятся первыми», но для этого необходимо активно преодолевать охватывав-

шее тебя уныние, что подтверждает еще одна выписка, найденная в архиве Бориса Пастернака.

Приступи жена зломрадная и оскверненная, слезы воззрю к Тебе любящи, Спасе, страсть исповедающи: како воззрю к Тебе Владыце; Сам бо пришел еси спасти блудницу: из глубины умершую мя воскреси, иже Лазаря воздвигнувый из гроба четвородневна: прими мя окаянную, Господи, и спаси мя [2].

Таким образом, в обоих стихотворениях о Марии Магдалине развивается мысль, нащупанная Пастернаком в «Рождественской звезде»: Явление Христа позволяет создать новые взаимоотношения между людьми. «Отверженная» Магдалина символизирует беспредельное человеколюбие Христа, который есть «древо жизни» (Откр. 2:7).

Литература

1. *Альфонсов, В.Н.* Поэзия Бориса Пастернака / В.Н. Альфонсов. – Л., 1990.
2. Великий вторник, на вечерне, глас 6. – URL: http://troparion.narod.ru/trop03.htm
3. Великий вторник, на вечерне, глас 8. – URL: http://troparion.narod.ru/trop03.htm
4. *Епископ Алексий* «Женщина, что ты плачешь» / Епископ Алексий // Журнал Московской Патриархии. – М., 1973. – № 8. – С. 23.

УДК 811.112.2

Е.А. Пудова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОИ» В ЛЕКСИКЕ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЗАПАДНУЮ И ВОСТОЧНУЮ ГЕРМАНИЮ, ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ НЕМЦЕВ

Статья посвящена одной из важных проблем современной лингвистики – анализу вербализации концептов. Предметом статьи является концепт «свой» в культуре Германии и немецком языке в период времени после объединения Германии. Концепт «свои» – это один из базовых концептов в культуре и жизни человека. Базовые концепты («жизнь», «смерть», «счастье», «страх» и др.) – это инструменты, помогающие человеку интерпретировать реальность. Статья основывается на работах А. Вежбицкой, Т.А. Ван Дейка и др.

Концепт, «свои», дискурс, категоризировать, значения.

The article is devoted to one of the important problems of modern linguistics – analysis of the verbalization of concepts. The object of the article is the concept «own» in the German culture and language in the time after the German reunification. The concept «own» is one the basic concepts of human life and culture. The basic concepts («life», «death», «happiness», «fear» and others) are the instruments that help a person to interpret the reality. The article is based upon the works of A. Wierzbicka, T.A. Van Dijk and others.

Concept, «own», discourse, categorize, meaning.

Данное исследование посвящено анализу вербализации концепта «свои» в Германии после объединения в двух концептосферах – одну формируют жители западной Германии по отношению к самим себе, другую, соответственно, жители восточной Германии. Материал был собран методом сплошной выборки. Источниками примеров были выбраны все издания за 2005 – 2006 гг. журнала “Der Spiegel“, который, хотя и позиционирует себя как издание для объединенной Германии, исторически является «зеркалом» мнения западных немцев; и журнала “SUPERIllu.de“ (on-line ресурс), который направлен на выражение мнения жителей восточной Германии.

Целью исследования является изучение актуализации в лексике, называющей западную и восточную Германию и их жителей, концепта «свои».

Данная работа ориентируется на определение концепта, данное Е.С. Кубряковой в Кратком словаре когнитивных терминов: «Концепт (concept; Konzept) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4, с. 90]. Определенный базовый набор концептов характерен для картины мира как отдельного человека, так и определенной человеческой общности, к ним относятся: жизнь, смерть, счастье, горе, любовь, страх и т.д. К числу основополагающих для восприятия и принятия мира человеком относятся два противоположных, но непосредственно связанных концепта: «свои» и «чужие». Человек в любой сфере своей деятельности, независимо от того, действует ли он в коллективе или индивидуально, постоянно использует эти два концепта как инструменты, помогающие воспринимать, анализировать и категоризировать действительность. Оба этих концепта многогранны и применимы как инструменты анализа самых разных явлений культуры, языка, психологии человека.

«Свои» во многих культурах воспринимаются как те, кто может спасти и защитить от враждебного «чужого», или как те, кого необходимо защищать. Как считает Ю.С. Степанов, противопоставление представлений о «своих» и «чужих» возникает еще во времена, когда параллельно существовали чело-